

Е.В.Крикливец

ПОВЕСТЬ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

На примере жанра повести раскрываются основные стилевые трансформации русской и белорусской модернистской прозы второй половины XX века. Обращение к эстетике модернизма и авангарда, совмещение сентиментального и физиологического, реальности и фантастики, использование приемов вторичной художественной условности позволили писателям отразить сложные и неоднозначные отношения человека с окружающей действительностью, попытку сориентироваться в условиях социальной деконструкции. В работе анализируются причины и национальная специфика дискретного развития модернизма в русской и белорусской литературах XX века. Сопоставительный ракурс исследования позволяет сделать вывод о взаимосвязях близкородственных литератур, их общих и особых чертах в отражении мира и человека.

Ключевые слова: модернизм, реализм, постмодернизм, проза, повесть, художественная условность, герой, притча

В последние десятилетия XX века интенсифицируется поиск новых художественных приемов и новых жанровых форм, которые удовлетворили бы эстетические потребности времени. В русской и белорусской прозе исследуемого периода основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем — реализма и модернизма, реализма и постмодернизма. Возникновение такого рода диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом («мовизм» В.Катаева), так и общими стилевыми тенденциями эпохи.

Эстетической реакцией на идеологическую ангажированность советской литературы стала так называемая «другая проза», в русле которой можно выделить корпус произведений, написанных в духе *экзистенциального реализма*, и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы*: «“Другая проза” в начале 1980-х годов декларирована как специфическое художественное образование, обусловленное социокультурными обстоятельствами в большей мере, чем собственно эстетическими. Не порывая с реализмом, писатели этого направления изменяли сложившуюся парадигму последовательным изживанием социально-исторической детерминации личности, заменой причинно-следственных отношений, предполагающих закономерность мироустройства, алогизмом, абсурдом, дисгармонией, являющихся и причиной, и следствием принципа случайности в существовании человека»¹.

Экзистенциальный реализм объединил взгляд на человека как на «песчинку истории» и освоение ранее табуированных социальных и бытовых сфер (М.Палей «Евгеша и Аннушка»; М.Кураев «Капитан Дикштейн», «Ночной дозор»; Л.Габышев «Одлян, или Воздух свободы»; С.Каледин «Поп и работник» и др.). Это не столько углубление в проблему нравственного выбора и иные нравственно-философские категории, а, скорее, отражение сатирической фантазмагии и абсурда реальной действительности. Экзистенциальный реализм меняет ракурс изображения исторических событий. Привычной, как бы подразумевающей объективность и достоверность, позиции «извне» писатели «новой волны» противопоставляют взгляд «изнутри», совмещение экзистенциального и социального.

Рецепция *карнавальных традиций* в прозе (преимущественно русской) последних десятилетий XX века нашла отражение в актуализации идеи об «инверсии двоичных противопоставлений» (по М.М.Бахтину). Отметим, что карнавал в литературе этого периода имеет ярко выраженный идеологический, социальный, иногда даже дидактический подтекст и не сводится к пародийной цитатности. Так, в повестях Юза Алешковского («Николай Николаевич», «Синенький скромный платочек») находит отражение антитеза патологической государственной системы, делающей невозможными естественные бытовые категории, и телесного низа, откровенно плотского, физиологического начала. При этом происходит как бы «возвышение» плоти: физиология, в отличие от государственной системы, представляется натуральной, естественной и даже единственно мудрой. В повести Г.Головина «День рождения покойника» (1986) стилистически совместились ироническое использование традиций былинного эпоса (в первой части повествования) и приемы карнавализации (во второй). Переплетая сказовое, ироническое, игровое, карнавальное начала, Г.Головин развенчивает идеологические мифы, демонстрирует абсурдность общества, основанного на псевдоколлективизме, за которым теряется ценность отдельной жизни.

И русские, и белорусские прозаики активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от доминирующего типа условности и доминирующего художественного приема

¹ Нефагина Г.Л. Динамика стилевых течений в русской прозе 1980—90-х годов. Автореферат диссертации доктора филологических наук. Минск, 1999. С. 22.

можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности:

- актуализация *сюрреалистической эстетики*;
- *синтез реалистического и фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования);
- *обращение к фольклорно-мифологическим мотивам*, мифологическим способам познания мира.

Можно утверждать, что метастилем и русской, и белорусской литературы XX века является реализм. Однако во второй половине XX века происходит рецепция модернистских и авангардистских традиций начала столетия, их адаптация к потребностям нового времени.

Развитие и русского, и белорусского модернизма характеризуется дискретностью. Тем не менее, в отличие от белорусского, модернизм в русской литературе представляется сформировавшейся художественной системой с достаточно четко дифференцируемыми стилевыми течениями, как в первой, так и в последней трети XX века. И.С.Скоропанова отмечает: «Начиная с периода “оттепели”, предпринимаются все более активные попытки возрождения задушенной художественно-эстетической системы. Главная заслуга в этом принадлежит андеграунду, так как в легальную печать сумели пробиться немногие (А.Вознесенский, “поздний” В.Катаев, А.Ким). На протяжении 50—80-х гг. XX в. осваиваются и разрабатываются различные аспекты модернистской эпистемы» [1, с. 51].

Белорусский модернизм имеет ярко выраженную фольклорно-мифологическую основу, которая обусловила преобладание в белорусской прозе второй половины XX века аутентичных элементов, составивших национальную специфику белорусской литературы.

Освоение неклассической эстетики в русской и белорусской прозе второй половины XX века порождает стилевую трансформацию социально-психологической повести, актуализацию жанровых разновидностей повести-антиутопии и повести-притчи, в которых читатель, декодируя аллегорические образы, узнавал картину привычного ему социума.

Социально-психологическая повесть в силу своей мобильности оказалась способной синтезировать реалистическое начало и фантастические, гротескные, неомифологические способы моделирования реальности, позволив тем самым совместить принцип правдоподобного изображения действительности с аллегорическими, метафорическими способами ее осмысления.

Сопоставляя *способы субъективной организации* социально-психологической повести в контексте реалистического метода и в модернистской парадигме, можно прийти к следующим выводам. В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последовательная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим. Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого «я» в разные временные планы (В.Катаев «Алмазный мой венец», «Трава забвения»). Наличие в социально-психологической повести двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект.

В русской и белорусской неклассической прозе последних десятилетий XX века была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. В социально-психологической повести происходит своего рода трансформация литературного типа «*маленького человека*», вернее, — появляются специфические инварианты этого типа: *тесчинка истории*, *антилидер*, *человек свиты* (одноименные повести В.Маканина), *герой-исполнитель* (Александр Евграфович из повести А.Рыбакова «Не успеть», Полуболотов из повести М.Кураева «Ночной дозор»), *обитатель социального «дна»* (С.Довлатов «Зона. Записки надзирателя», Л.Габышев «Одлян, или Воздух свободы», В.Мудров «Гісторыя аднаго злачынства»), Ю.Станкевич «Рыфма», А.Федоренко «Нічыё»), *герой-маргинал* (Л.Улицкая «Сонечка», «Веселые похороны», С.Бабаян «Без возврата (Негерой нашего времени)»), *трикстер*. Можно согласиться с мнением А.Ю.Мережинской о том, что «герой “новой волны” формировался как полная противоположность герою социалистического реализма. Высокие цели борца за коммунизм были заменены решением сугубо бытовых проблем; оптимистическое восприятие — трагическим; чувство коллектива — одиночеством; жизненные перспективы — полной безысходностью» [2, с. 57-58]. При этом необходимо отметить, что, в отличие от реалистической прозы, человек в авангардистской эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «декорациями», в которых человек существует.

В идейно-тематическом плане социально-психологическая повесть позволила писателям поднять злободневные проблемы, отразить события истории и современности; оказалась изоморфна потребностям белорусской прозы в формировании и сохранении жанрового канона одновременно с усвоением авангардистских тенденций.

Художественное осмысление тоталитарного прошлого и настоящего советского общества нуждалось в изоморфной жанровой форме. Таковой оказалась *повесть-антиутопия*, отразившая социальный эксперимент в аллегорическом ключе. Интенсификацию этой жанровой разновидности предвосхитили диффузные жаровые образования (такие как, например, социальная сказка Ф.Искандера «Кролики и удавы», сказовая повесть А.Терца «Любимов»).

Во второй половине XX века в контексте неклассической эстетики антиутопия претерпевает определенные содержательные и стилевые трансформации. Так, идейно-тематические изменения затронули наиболее распространенную разновидность антиутопии — *политическую*. Такого рода антиутопия всегда основана на художественной репрезентации двух оппозиционных миров: реального, в котором тоталитарное устройство поглощает личность, и альтернативного, где царят гуманистические идеалы. Однако, например, в политической антиутопии А.Кабакова «Невозвращенец» моделируются два равноценно неблагоприятных общества — настоящего и недалекого будущего. И потому моральный выбор героя представляет собой поиск личной выгоды и временного благополучия, а не стремление к духовным ценностям.

Метонимическая семантика *идеологической антиутопии* позволила на примере частной идеи продемонстрировать генезис тоталитарного сознания и становление основ тоталитарного общества (А.Курчаткин «Записки экстремиста», В.Гигевич «КарABELЬ»). При этом в последние десятилетия XX века наблюдается эволюция сугубо идеологической проблематики в сторону углубления психологического анализа социальных механизмов и осмысления экзистенциальных вопросов через призму общественно-политического мироустройства. Идеологическая антиутопия трансформируется в *социально-психологическую*.

Порождением XX века с его постоянно напряженной внешнеполитической обстановкой и милитаристскими настроениями представляется *технократическая антиутопия*, в которой писатели прогнозируют возможные последствия ядерной войны (В.Рыбаков «Первый день спасения», Л.Петрушевская «Новые Робинзоны», А.Адамовича «Последняя пастораль»). Для такого рода повестей-антиутопий почти всегда характерны апокалипсические настроения и воплощение картины гибели цивилизации, истребления человечеством самого себя. При этом социальный и экологический кризис, прогнозируемый в произведениях, всегда тождествен экзистенциальному.

Традиционно антиутопия должна изображать человека, обезличенного государством, подавленного технократией и тоталитарной властью. Однако антиутопия последней трети XX века поставила вопрос о высокой степени личной ответственности человека за происходящие события, за его собственный нравственный выбор. Такой ракурс психологического анализа свойственен уже технократической антиутопии. Его развитие во многом обусловило появление такой разновидности как семейная антиутопия. В качестве таковой была прочитана повесть В.Маканина «Лаз», в которой герой совершает выбор между свободой и ответственностью за семью.

Субъектная организация русской и белорусской повести-антиутопии во второй половине XX века традиционна: повествователь, как правило, изображен эксплицитно, он является очевидцем и участником событий.

При этом требуют внимания два типа героев, сформировавшиеся в антиутопии исследуемого периода.

Сложившийся в литературе жанровый канон антиутопии требовал от писателя изображения ритуализированного общества, в котором невозможно какое-либо самостоятельное движение личности. «Сбой» этой системы происходил тогда, когда личность отказывалась выполнять свою функцию в ритуале, то есть становилась «не как все». Русские прозаики второй половины XX века визуализировали эту инаковость, изобразив в своих повестях *героев с физическими или умственными отклонениями, но наполненных духовно* (В.Маканин «Лаз», В.Рыбаков «Первый день спасения»).

Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей образа *героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными «полюсами» художественной модели мира. Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, объединяющее значение общечеловеческих ценностей.

В целом, следует отметить, что антиутопия становится основной аллегорической формой именно в русской литературе в связи с тем, что сама природа русской литературной аллегории социальна. В белорусской неклассической прозе, имеющей фольклорно-мифологическую основу, развитие получает так называемый «параболический» вектор.

Стремление выйти к глубокому художественному обобщению в осмыслении социальной и нравственно-философской проблематики обусловило апелляцию к фольклорным методам и приемам создания характеров, построения сюжетных схем. В русский литературный обиход возвращается жанр сказки как одна из основных метафорических форм (Ю.Мамлеев «Русские сказки»). Архетипы русского фольклора используются для отражения метафизических исканий человеческой души, попытки постижения бессознательного.

В белорусской модернистской прозе второй половины XX века наибольшее распространение получила *повесть-притча*, представленная несколькими инвариантами. Это собственно *повесть-притча*, приобретающая в исследуемый период времени (в отличие от евангельских притч) социальное звучание, нередко ассимилирующая элементы антиутопии (В.Быков «Ваўчыная яма»; В.Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел», «Час збіраць косці», «І нікога, хто ўбачыць мой страх», «Прахожы»; А.Боровский «Ахутавана»).

Специфически белорусской модификацией притчи представляется *«прыпавесць»* — синтез народной (национальной) и индивидуально-авторской философии. Исследуя «прыпавесць» как жанровую модификацию притчи, Р.Ю.Дубашинский подчеркивает: «Адпачаткова прыпавесць — жанр вуснай традыцыі, і таму характэрныя рысы, уплыў народнага светабачання і светаадчування ў пазнейшым літаратурным творы будуць прысутнічаць заўсёды. Увасабленне народнай філасофіі, жыццёвай мудрасці ў прыпавесці сведчыць аб высокай інтэлектуальнасці прытчы як жанру і як твора. Але ўзровень, ступень гэтай інтэлектуальнасці залежыць ад таго,

як народная філасофія і філасофія аўтарская адлюстроўваюцца ў творы і ў якой ступені яны спалучаны» [3, с. 13-14]. Форма «прыпавесці» накіравана на асмысленне экзистэнцыйнай праблематыкі праз прызму нацыянальнай самоідэнтыфікацыі (кнігі Я.Сіпакова «Тыя, што ідуць», «Падары нам дрэва», произведения П.Васюченко из сборника «Белы мурашнік», повесть Ф.Сивко «Удог», повесть в «прыпавесцях» А.Мосаренко «Лесавікі»).

Исследование морально-этической сферы современного писателя социума диктовало появление в ряде произведений элементов *публицистической проповеди*, в которой исходной точкой развития мысли являются не только и не столько постулаты веры, сколько недостатки и пороки, которые можно наблюдать в обыденной жизни (А.Боровский «Княжбор»).

Многозначность и символизм притчевых образов, их иносказательность позволили исследователям наряду с понятием притчи использовать представление о *параболе* как о произведении более абстрактном, допускающем несколько вариантов интерпретации (В.Некляев «Вежа»).

Типы героев, сформировавшиеся в повести-притче, представляют собой, с одной стороны, рецепцию традиций классической реалистической прозы, с другой — отражают общие тенденции авангардистских течений и демонстрируют генетическую связь с другими жанровыми разновидностями модернистской повести (в частности, с антиутопией).

Так, в модернистской прозе получает воплощение инвариант евангельской притчи о блудном сыне, ставшей сюжетной основой ряда нравственно-философских повестей в контексте реалистической эстетики. Появляется галерея образов «*бывших людей*», потерявших в настоящем времени, утративших связь с собой прежними, с памятью о прошлом (А.Наварич «Цкаванне вялікага звера», А.Козлов «Распяцце, альбо Ці ж баліць галава ў вароны»).

В русской прозе находит воплощение образ *юродивого*, вставшего на путь добровольного исхода из социума, самоотречения ради возвращения к своей человеческой сущности (Б.Евсеев «Юрод»).

Образ *героя-медиатора* роднит белорусскую метафорическую прозу с русской антиутопической. Медиатором можно назвать, например, Антона Климовича из повести А.Боровского «Пякельны рай». Названный герой получает статус медиатора, соприкасаясь с тайными знаниями, которые в идейно-художественной концепции А.Боровского тождественны национальному и культурному наследию. «Порталом» для Климовича становится в произведении локус «Галоўнай хаты». Инициация героя заключается в том, что через постижение единства природы и культуры он приближается к постижению единства Космоса. При различиях в природе иносказания (мифологической или социальной) «атрибутика» образа устойчива: наличие портала, связующего альтернативные миры и изображение пути героя как инициации.

Можно заключить, что притчевый характер белорусской модернистской повести обусловлен актуализацией национальных архетипов, обращением к национальной мифологии и фольклору, что соответствует важной для белорусской литературы задаче национально-духовного возрождения. Отличительная черта белорусского модернизма — ярко выраженная фольклорно-мифологическая основа, которая обусловила преобладание в белорусской прозе второй половины XX века аутентичных элементов, составивших национальную специфику белорусской литературы.

1. Русская литература первой половины XX века / Под редакцией С.Я.Гончаровой-Грабовской. Минск, 2009. 400 с.
2. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80-х — 90-х годов XX века. Киев, 2001. 433 с.
3. Дубашыньскі Р.Ю. Прыпавесць у сучаснай беларускай прозе. Мінск, 2011. 127 с.

References

1. Goncharova-Grabovskaya S.Ya., ed. Russkaya literatura pervoy poloviny XX veka [Russian literature of the first half of the twentieth century]. Minsk, 2009. 400 p.
2. Merezhinskaya A.Yu. Khudozhestvennaya paradigma perekhodnoy kul'turnoy epokhi: russkaya proza 80-kh — 90-kh godov XX veka [Artistic paradigm of a transitional cultural era: Russian prose of the 80s — 90s of the XX century]. Kiev, 2001. 433 p.
3. Dubashynski R.Yu. Prypavests' u suchasnay belaruskay proze [A parable in modern Belarusian prose]. Minsk, 2011. 127 p.

Krikhivets E.V. The story in Russian and Belarusian modernist prose of the second half of the 20th century. The article uses the example of the novel genre to reveal the main stylistic transformations of Russian and Belarusian modernist prose of the second half of the twentieth century. The appeal to the aesthetics of modernism and the avant-garde, the combination of sentimental and physiological, reality and fiction, the use of techniques of secondary artistic convention allowed the writers to reflect the complex and ambiguous relationship of man with the surrounding reality, an attempt to navigate in the conditions of social deconstruction. The paper analyzes the causes and national specifics of the discrete development of modernism in the Russian and Belarusian literatures of the twentieth century. The comparative perspective of the study allows us to draw a conclusion about the interrelationships of closely related literatures, their common and special features in the reflection of the world and man.

Keywords: modernism, realism, postmodernism, prose, novel, artistic convention, hero, parable.

Сведения об авторе. Елена Владимировна Крикливец — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова; ORCID: 0000-0002-4640-0785; kriklivec@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Крикливец Е.В. Повесть в русской и белорусской модернистской прозе второй половины XX века // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 44-48. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).39-43

For citation: Kriklivec E.V. The story in Russian and Belarusian modernist prose of the second half of the 20th century. Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 44-48. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).39-43